

Благодарности

Авторы выражают благодарность партнерским группам исследователей в рамках европейской программы исследований SPReW.

Французская группа: М.-К. Бюро, Л. Давуан, Б. Делей, Д. Меда, М. Вонг;

Португальская группа: С. Карвальо, П. Кастро, А. Ногаль, А. Пассос, Ц. Соарес;

Итальянская группа: М. Т. Франко, С. Греко, А. Лебано, А. М. Понцеллини;

Бельгийская группа: Дж. Кюльтье, Л. Дамхойс, Ж. Валендюк, П. Вендрамин (координатор проекта);

Немецкая группа: С. Белит, Н. Грютцмахер, А. Кноп, Г. Рихтер, Р. Цоль, Э. Цоль-Груберт;

Венгерская группа: А. Филеки, О. Полячко, Ю. Вайда.

Авторы отдельно благодарят:

— Ж. Валендюка, который вместе с П. Вендрамин координировал программу исследований SPReW, выступил в качестве рецензента этой книги и предложил существенные дополнения к ней;

— Л. Давуан, обеспечившую расшифровку значительной части статистических данных по Франции и ЕС, а также реализацию существенной части программы исследований во Франции, что позволило группе использовать собственные исследования;

— Б. Делей, обеспечивавшую вместе с Л. Давуан реализацию части программы исследований во Франции, руководившую проведением большей части глубинных интервью, что также позволило нашей группе использовать собственные исследования;

— Дж. Кюльтье, который вместе с П. Вендрамин реализовал часть программы исследований во Франции и осуществил основную часть работы по сбору эмпирических данных, поделившись опытом собственных исследований;

— Э. Гарне, обеспечившей со стороны DARES поддержку и практическое использование результатов исследования, и DARES;

— М. Монако, сопровождавшую проект со стороны Агентства социального развития (Etic), и Агентство социального развития (Etic).

Введение

Исследуя роль разделения труда, Э. Дюркгейм в своей главной работе «О разделении общественного труда» (*De la division du travail social*, 1893) давал положительный ответ на вопрос, который он сформулировал следующим образом:

Таким образом, мы приходим к вопросам: не играет ли ту же роль разделение труда в более обширных группах? Не имеет ли оно функции в современных обществах, где оно получило известное нам развитие, интегрировать социальное тело, обеспечивать его единство? [Дюркгейм 1996: 69].

В современном обществе труд действительно выполняет функцию морали. Только в некоторых ограниченных случаях разделение труда принимает нездоровые формы и способствует ослаблению социальной связи или изоляции индивидов, поскольку

разделение труда предполагает, что работник не только не занят исключительно своим занятием, но что он не теряет из виду своих непосредственных сотрудников, воздействует на них и испытывает их воздействие. Он, таким образом, не машина, повторяющая движения, направление которых он не понимает. Он знает, что они направляются куда-то, к цели, которую он различает более или менее ясно. Он чувствует, что он служит чему-то [Там же: 381].

Семьдесят лет спустя, в 1963 году, Ж. Фридман в предисловии к третьему изданию работы «Куда идет человеческий труд?» (*Où va le travail humain?* — впервые опубликовано в 1950 году) писал: «К сожалению, когда сейчас выходит книга, по крайней мере такая, как эта, ее не сопровождает рекламный слоган, иначе я предложил бы своему издательству под заголовком “Куда идет

человеческий труд?» добавить ответ “навстречу своей гибели”» [Friedmann 1963]. Критические замечания, которые Фридман впервые высказывает в этом произведении, получают развитие в «Расчлененном труде» (*Le travail en miettes*, 1956), где целая глава посвящена тому, что определение труда, введенное Дюркгеймом, утратило свою актуальность:

Если бы Дюркгейм был жив, ему пришлось бы для чистоты понятия органической солидарности считать отклонениями от нормы большинство форм, которые в нашем обществе труд принял как в промышленности, так и в секторе управления, а в последнее время и в торговле [Friedmann 1956: 144].

В 1970-х критика труда и констатация потери смысла этим понятием не прекратятся. Обратимся к «Ущербу от прогресса» 1977 года [CFDT 1977], в которой Французская демократическая конфедерация труда (ФДКТ) констатирует полную потерю трудом своего смысла, или — в качестве более позднего примера — исследованиям А. Горца, который в книге «Прощай, рабочий класс» 1980 года [Gorz 1980] считает труд на современном этапе однозначно лишенным самостоятельности и, вслед за Фридманом (на которого он при этом не слишком часто ссылается), предлагает сузить границы этого понятия, оставив больше пространства для деятельности, для которой характерна самостоятельность. В Германии созвучные этим рассуждениям идеи выдвигали немного ранее К. Оффе и в тот же период Ю. Хабермас, который в 1985 году начинает размышлять о закате общества, основанного на труде.

Во Франции эта идея получит известность в середине 1990-х, в частности благодаря исследованию «Труд — это ценность под угрозой исчезновения» [Méda 1995], и вызовет бурное обсуждение, когда ее окончательно проработает Дж. Рифкин в книге «Конец работы» [Rifkin 1996]. По мнению Рифкина, время для критики труда ушло: ее заглушили экономические причины, связанные с высоким ростом безработицы в европейских странах. Автор первой из двух вышеуказанных работ придерживается нормативного подхода и выступает за то, чтобы уменьшить место, которое занимает труд, и улучшить его распределение; второй

автор рекомендует обратить внимание на другие виды деятельности и области, способствующие созданию социальных связей. Тем не менее эти две работы критики и читатели интерпретировали так, как будто они описывают закат труда как положительное явление, — в ответ одни оппоненты отмечали, что под влиянием трудовой деятельности активизируется субъектность, занимающая одно из важнейших мест в формировании идентичности [Dejours 1998; Clot 2008; Vendramin 2004], другие напоминали о ключевой ценности, которую труд по-прежнему представляет для людей, и в своих работах обосновывали этот тезис.

В этой книге мы не будем возвращаться к этому спору, о котором «Труд — это ценность под угрозой исчезновения» напоминает в предисловии к последнему (карманному) изданию. Настоящая работа ставит своей целью восстановить основные исторические этапы повышения ценности труда и, на основании исследований, проведенных в современных Франции и Европе, понять, какой смысл придается труду и в чем он заключается сегодня, на основе анализа отношения к труду представителей разных поколений. Это исследование еще и возможность выяснить, почему именно сегодня так много говорят о переживаниях и расстройствах, связанных с трудом, и каковы их причины.

Открывают эту книгу результаты общеевропейского исследования под руководством П. Вендрамин, ставшей одним из координаторов проекта, целью которого было проверить часто высказываемую гипотезу, что молодое поколение сегодня — материалистичные, склонные к кочевническому образу жизни ленивые индивидуалисты — иначе относится к труду.

Эти выделяемые свойства поколения, возможно, частично объясняют, почему молодым людям сегодня так сложно найти работу и еще сложнее не потерять ее. Перед научным коллективом проекта, в который вошли исследователи-социологи из шести европейских стран (Бельгии, Франции, Германии, Италии, Португалии и Венгрии)¹, стоял вопрос: воспринимает ли молодое

---

¹ В методологическом разделе, помещенном в конце книги, описаны примененные эмпирические методы исследования.

поколение труд иначе, чем старшее? Изменилось ли что-то в отношении молодого поколения к труду? Обусловлены ли изменения возрастом или принадлежностью к определенному поколению? При постановке этих вопросов мы столкнулись с национальной спецификой. Масштабное общеевропейское исследование, посвященное теме труда, выявило, что отношение к труду варьируется от страны к стране. Можно ли в условиях различий, связанных с региональной спецификой, принадлежностью к определенной возрастной категории, поколению, социально-профессиональной группе или гендеру, найти закономерности, выявить факторы влияния? Может быть, как предположил Р. Инглхарт, мы имеем дело с кардинальным изменением, когда все родившиеся после 1968 года придерживаются постматериалистических ценностей и под их влиянием относятся к труду менее утилитарно [Inglehart 1977]? Как на отношение к труду влияет более высокий уровень образования?

К труду сегодня предъявляются очень высокие ожидания, которые радикально изменились со времен выхода в свет «Влиятельного рабочего» (*L'Ouvrier de l'abondance*) Дж. Голдторпа и соавторов (1968). В этой связи можно ли считать, что развитие в профессиональной среде, условиях труда и найма в большей степени удовлетворяет этим ожиданиям? Поиск ответа на этот вопрос обусловил ход наших размышлений и подходы к раскрытию темы в этой книге.

Книга начинается с ретроспективного обзора развития труда и придаваемого ему в различные эпохи значения (глава 1). Помимо антропологического экскурса в историю труда в этой части работы определяются рамки и инструменты анализа, применяемые для того, чтобы понять и оценить смысл труда в современном обществе. В первой главе также представлен материал, который становится предметом обсуждения в дальнейшем.

В следующей главе мы, опираясь на ряд международных исследований, рассматриваем, как значимость труда сегодня проявляется у европейцев; мы также сопоставляем место труда (работы) с другими значимыми для респондентов сферами. Одновременно мы смотрим, какое объяснение различные исследо-

ватели дают происходящим изменениям. В результате анализа данных мы получаем парадоксальную картину по Франции, причем этот парадокс указывает и на глубокие противоречия, затрагивающие трудящихся в других европейских странах. Французы придают очень высокую важность работе и при этом хотят, чтобы она занимала меньше места в их жизни. Чтобы понять это явное противоречие, нужно принять во внимание эволюцию условий труда и форм организации. Проблемы, с которыми сталкиваются многие работники во Франции и в Европе, объясняются несоответствием между проявлением высоких ожиданий по отношению к труду, которые связаны с его инструментальными и выразительными аспектами, и изменениями в профессиональной среде. Сопоставление с Квебеком подтверждает нашу интерпретацию этой динамики.

Исходя из этого вывода, в главе 3 мы предлагаем взглянуть на предмет исследования с точки зрения условий управления предприятиями и новых форм организации труда. В этом контексте мы анализируем факторы, ограничивающие ожидания работников: гибкость рынка труда и характерная для него неопределенность, индивидуализацию отношений между работодателем и трудящимся и излишнее внимание к субъективному подходу, определение способностей и признание их соответствия работе. В этой главе отмечается напряженность в отношениях между личными ожиданиями и изменениями в системе общественного производства, из-за чего возникает вопрос о политическом значении европейского проекта по обеспечению качества занятости. Далее предлагается более детально рассмотреть, как эти изменения и противоречия отражаются на различных категориях работников и в какой степени индивидуальный опыт влияет на их отношение к труду. Этим вопросам посвящены две следующие главы.

В главе 4 анализируется связь между возрастом, социально-профессиональным статусом, половой принадлежностью и формированием отношения к труду. Предлагается посмотреть на предмет исследования в перспективе смены поколений: такой подход основывается на социологической гипотезе, что форми-

рование поколения и его отношения к труду происходит на определенной почве, в конкретных культурных, историко-экономических или политических условиях. Несмотря на различия между поколениями, с этого ракурса видно, что получение опыта в определенном контексте (характеризуемом, помимо прочего, устойчивой массовой безработицей, повышением уровня образования и расширением присутствия женщин на рынке труда), а также общая экономическая судьба приводят к тому, что у женщин и представителей молодого поколения изменяется восприятие работы. Для этого нового отношения характерны стремление к достижению равновесия между различными значимыми сферами жизни, сокращение гендерного разрыва в связи с разными моделями участия в трудовой деятельности мужчин и женщин, смещение социальных отношений из общественной сферы в частную.

На основе этих выводов в последней главе рассматривается взаимное восприятие друг друга различными поколениями, которые придают работе и труду в чем-то схожие, а в чем-то отличающиеся значения, и влияние такого восприятия в обыденной жизни на труд и на связь между поколениями. Эволюционирующие представления о труде, с одной стороны, встраиваются в социокультурные изменения, затрагивающие все европейское общество, с другой — влияют на баланс между отдельными поколениями. Так определяются и обуславливаются определенное место той или иной возрастной группы на рынке труда, различия в правах и обязанностях.

Определяя роли, права и обязанности, а также место индивида на социальной лестнице, труд всегда был и остается мощным фактором сплочения общества. При этом за долгий период времени его значение изменилось: он стал более диверсифицированным, а связанные с ним ожидания выросли. Их конфликт с развитием форм организации и управлением рынком труда приводит к дальнейшему раздроблению трудовой сферы. Переосмыслить труд — значит со всей серьезностью отнестись к ожиданиям современных европейцев, в особенности женщин и представителей молодого поколения.

Глава 1

Эволюция ценности, придаваемой труду

Идея, что труд — это вид деятельности, в ходе которой люди могут изменить свой мир и преобразовать его в соответствии со своим видением и которая представляет собой один из основных способов участия в социальной жизни и самовыражения, появилась недавно и является в высшей степени современной. Со времен античности труд постепенно приближался к тому, чтобы занять центральное положение в обществе, которое в конечном счете превратилось в «общество, основанное на труде». За последние столетия понятие труда и возлагаемые на него людьми ожидания дополнились новыми значениями. В то же время в экономических уравнениях труд одновременно фигурирует и как «фактор производства», эффективность которого должна быть, насколько это возможно, максимальной, и как возможность самореализации для индивидов, и как основа для распределения доходов, прав и средств социальной защиты. При том что выразительный аспект понятия получил развитие только на Востоке, сегодня понятие труда вбирает в себя несколько значений, которые находятся в противоречии друг с другом и приводят к конфликтам. Существуют различные подходы, позволяющие понять, что собой представляет отношение людей к труду: среди главных можно выделить использование исследований европейского масштаба с возможностью межрегионального сопоставления результатов (которое, однако, имеет ограничения) и изучение глубинных личных интервью. В любом случае отношение людей к труду понять не так просто.

История формирования ценности труда

Во все ли времена труд имел ценность? Справедливо ли утверждать, что со времен Античности люди трудились и считали труд одним из важнейших видов деятельности в жизни? Так, например, считают Фридман и П. Навиллем: один из выводов их работы «О социологии труда» (*Traité de sociologie du travail*) заключался в том, что труд можно считать отличительным свойством человеческого рода, а человек — это «социальное животное», преимущественно занятое трудом [Friedmann, Naville 1962]. У такого утверждения может быть два разных смысла. Из него, с одной стороны, следует, что люди всегда сознательно подходили к преобразованию природы, приданию ей определенной ценности и, соответственно, к развитию определенных видов деятельности, радикально отличающихся друг от друга. С другой стороны, это утверждение может означать, что человечество всегда стремилось использовать природу для удовлетворения своих потребностей, при этом эта деятельность не обязательно отделялась им от остальной жизни.

Говоря о труде как о человеческой деятельности по преобразованию природы, мы делаем допущение, что это представление, возникшее в XIX веке, существовало еще со времен Античности. Однако при этом мы забываем, что только в момент возникновения этой идеи стало возможным представить себе природу, поддающуюся преобразованию человеком, как и человека, способного преобразовать ее согласно своим представлениям. Понятия и категории тоже проходят эволюцию: важно попытаться восстановить значения, которые связывались с понятием труда в разные эпохи, и для этого проанализировать тексты, созданные в эти исторические периоды.

Таким образом, мы разделяем мнение Ж.-П. Вернана [Vernant 1965], М. Фрейсене [Freyssenet 1995: 227–244] и Меда [Méda 1995] и придерживаемся точки зрения об историческом характере понятия «труд»: основываясь на многочисленных исследованиях¹, мы считаем появление современного понятия результатом наслаения значений за последние столетия.

---

¹ Нижеприведенные выкладки частично взяты из [Méda 1995] и [Méda 2010a].

Предэкономические общественные формации

Ряд антропологических и этнологических исследований форм жизни предэкономических общественных формаций продемонстрировал невозможность найти эквивалент значения для понятия труда в различных обществах. В программной статье 1992 года² М.-Н. Шаму напоминает, насколько важно для понимания применимости понятия труда к предэкономическим формациям, существовавшим в другие эпохи или изолированным от внешнего мира, избегать подхода, который используют некоторые исследователи, когда к интерпретации исторической эпохи или общества, изолированного от внешнего мира, применяют понятия, появившиеся значительно позже [Chamoux 1992]. В результате племенное общество анализируется с использованием представлений, сформировавшихся под влиянием экономической мысли XVIII века, — в итоге труд воспринимается как универсальная категория.

Чтобы не поддаваться искушению прибегнуть к такому подходу, автор предлагает обратиться к антропологическим данным в отношении труда, отмечая, что труд является «этноцентричным понятием»:

Понятие труда не универсально. Представляется, что ряду обществ оно не нужно. Соответственно по отношению к тому наполнению, которое мы вкладываем в это понятие, мы склонны в его отсутствии, разделении на несколько понятий или смещения содержания видеть его отрицание [Chamoux 1992: 28].

Автор приводит примеры обществ, лишенных понятия труда в целом, цитируя то, что М. Панофф писал о племени маэнге в Океании, в котором

---

² Статья была впервые опубликована под заголовком «Антропологические заметки об обществах с понятием труда и с отсутствием такого занятия» в материалах междисциплинарного симпозиума «Труд: исследования и перспектива» [Chamoux 1992], затем в 1994 году она вышла в номере дополнительного выпуска «Социологии труда» [Chamoux 1994: 57–71]. Здесь мы цитируем текст материалов симпозиума, далее — второе издание.

понятие «труда» как таковое отсутствует, как нет и отдельного слова, чтобы отличать «производственную деятельность» от других видов человеческого поведения. <...> Зато есть хорошо выраженное и часто употребляемое понятие, обозначающее усилия или страдания, которое, помимо прочего, возникает в контексте, связанном с садовыми работами (цит. по: [Ibid: 11]).

В качестве другого примера приводится племя ачуар в Амазонии, которому посвящены исследования Ф. Деколы:

Как и у большинства докапиталистических общественных формаций, у ачуар нет термина или понятия, в котором бы выражалась идея труда в целом, то есть идея совокупности технических действий, направленных на производство материальных средств для обеспечения существования. В [их] языке также нет обобщающих слов для обозначения труда как процесса в целом (цит. по: [Ibid: 63]).

К этим примерам Шаму добавляет:

Нужно со всей решительностью полностью отказаться от психологического эволюционизма, в отсутствии общего понятия труда усматривающего проявление предполагаемого «синкретизма в мышлении» у «примитивных» народов, неспособных к абстрактному мышлению и полагающихся исключительно на чувства [Ibid: 29].

В качестве примера дробления понятия Шаму напоминает, что у греков есть два слова, обозначающих то, что мы бы сейчас называли «трудом», — *ergon* и *ponos*, а римлянам потребовалось по меньшей мере три слова: *opus*, *labor*, *opera*. Что касается смещения содержания, автор напоминает, что значение слова значительно шире семантического поля «производство».

У некоторых народов понимание труда очень широкое, в то время как другие обобщают под ним только непроизводственные виды деятельности. Мы не находим таких примеров, где бы в одном-единственном концепте присутствовала вся совокупность понятий и значений, к которым отсылает наш концепт

труда (вбирающий, помимо прочего, такие категории, как усилие, преобразование природы, создание ценности...). В более общем контексте Шаму опирается на работы М. Салинса [Sahlins 1974]. Последний в «Экономике каменного века» пишет, что труд отделен от социального бытия и может стать предметом обмена, при этом он неотчуждаем от самого человека. Человек трудится, занимается производством, выступая в качестве социальной личности — супруга, отца, брата, члена клана или представителя деревни. Труд не является частью его существования, при этом «сам по себе труд — не категория племенной экономики, а трудящийся — не статус» (цит. по: [Chamoux 1992: 38]).

Более того, именно Салинсу мы в определенной степени обязаны открытием понимания того, что племена не живут под постоянным давлением потребностей, требующих удовлетворения. Их потребности ограничены, и жизнь поэтому не превращается в бешеную гонку за утоление неограниченных надобностей. По сравнению с нами племенные народы работают меньше и не так регулярно. Но можно ли оставить само понятие «труд» для описания деятельности этих народов? Шаму завершает свои статьи этим вопросом, ставя его максимально широко:

Таким образом, возникает ряд сомнений. Несмотря на повторяемые как мантра утверждения о рациональности и в какой-то степени универсальности категории труда, не является ли его экономическое определение таким же, как и многие другие, локальным понятием, вычленным фрагментом для внутреннего пользования? <...> Антропологический подход больше не позволяет уйти от ответа на вопрос, что в наивысшей степени может быть чревато теоретическими и практическими последствиями: если труд не осознается, не проживается как таковой, можно ли считать, что он существует? [Chamoux 1994: 37]

Древняя Греция

Отвечая на эти вопросы, Вернан в «Психологических аспектах труда в Древней Греции» [Vernant 1965] конструирует теоретические принципы, являющиеся основными как с методологиче-

ской, так и с сущностной точки зрения. Эти же принципы являются частью обоснований, которые стали ядром программы «Труд и его репрезентации», запущенной в 1980 году М. Годелье. По итогам этой программы в 1990-х часть антропологов и социологов, с одной стороны, призывала к большей осторожности в употреблении термина «труд», а с другой — отказалась считать труд универсальной категорией.

Как Шаму, и даже с большей настойчивостью, Вернан напоминает о недопустимости применения категорий настоящего к исследованию древних цивилизаций и навешивания на предшествующие эпохи концептов, которые были придуманы или переосмыслены в более поздний период. Очевидно, что это замечание справедливо и для труда.

По аналогии с недопустимостью применения к Древней Греции экономических категорий, характерных для современной цивилизации, также нельзя проецировать на жителя античного города психологическую функцию труда в той форме, которую она принимает сейчас. При всем своем многообразии в реальности все профессиональные задачи представляют собой специфический тип поведения: для нас всё это — одна и та же произвольная, упорядоченная деятельность, результат которой нацелен на производство ценностей, полезных для группы, и имеет непосредственное воздействие на окружающих. Эта унификация психологической функции сочетается с выделением того, что Маркс в экономическом анализе называл абстрактным трудом. В итоге для интеграции различных видов трудовой деятельности и формирования унифицированной психологической функции необходимо, чтобы человек в определенных конкретных задачах формах мог воспринимать свою собственную деятельность как труд в целом, что возможно только в рамках чисто рыночной экономики, где все формы труда в равной степени направлены на создание рыночного продукта [Vernant 1965: 37–38].

Таким образом, в Греции есть профессии, виды деятельности, задачи, но не труд сам по себе. В свою очередь виды деятельности подразделяются на разнообразные категории, причем из-за не-

возможности сократить это разнообразие труд нельзя считать единой специфической функцией. Важнейшим фактором являются различия между задачами, обозначаемыми термином *ponos* (физически тяжелыми, требующими усилий или контакта с материальным и потому унижительными), и теми, к которым применяли слово *ergon* (творение, придание формы материи).

Вернан не пишет, что в античной Греции не было труда совсем, однако нижеприведенное утверждение следует толковать в строгом смысле:

Таким образом, в античной Греции нет труда как большой общечеловеческой функции, охватывающей все профессии; вместо этого есть множество разных профессий, каждая из которых представляет собой определенный тип деятельности, направленной на создание собственного произведения. Более того, сельскохозяйственные работы, которые, с нашей точки зрения, встроены в трудовые практики, греки не соотносили с профессиональной сферой [Ibid: 38].

Конкретная деятельность, олицетворением разных типов которой являются разные профессии ремесленников, по мнению Вернана, не имеет ничего общего с современным «производством», созданием ценности. Соответственно, она никоим образом не относится к абстрактному труду, появившемуся в XVI веке, наступление эпохи которого продемонстрировал М. Вебер, а системное описание дал А. Смит.

При грубом упрощении можно считать, что на протяжении всего периода гегемонии Римской империи и до конца Средневековья в том значении, которое ему придает Ж. Ле Гофф в работе «Другое Средневековье» (*Pour un autre Moyen Âge*, 1977 [Ле Гофф 2002]), репрезентация понятия, которое позже мы назовем трудом, претерпела серьезные изменения. Отличительные признаки, на которых строилась классификация видов деятельности у греков, будут заимствованы Цицероном и позднее — средневековой классификацией ремесел. Во избежание упрощения можно с уверенностью сказать, что вплоть до XVI века, пока философские и религиозные воззрения людей (предопределяющая роль

потустороннего мира; презрительное отношение к земному и подвижному и преклонение перед неподвижным и вечным; презрительное отношение к получению прибыли, накоплению и торговле; низкая ценность человеческой деятельности и т. д.) оставались неизменными, труд не мог получить ценность или стать категорией, объединяющей различные виды деятельности в рамках одного концепта. Напротив, с XVI века и затем на протяжении XVII, как отмечал Л. Февр [Февр 1991a], медленно начнет происходить «изобретение труда», которое наконец превратит слово «труд» в собирательное понятие и сделает эту категорию цельной. Первое определение даст Смит в своей главной работе.

Концепция Вебера: протестантская этика и дух капитализма

Концепцию М. Вебера, несмотря на всю критику в ее адрес, невозможно обойти стороной, потому что она важна для понимания развития трудовой этики. Вспомним об отправной точке в рассуждениях Вебера в его работе «Протестантская этика и дух капитализма» (*Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus*, 1905): «при ознакомлении с профессиональной статистикой любой страны со смешанным вероисповедным составом населения» обнаруживается «несомненное преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, а равно среди высших квалифицированных слоев рабочих, и прежде всего среди высшего технического и коммерческого персонала современных предприятий» [Вебер 1990: 61].

Конкретно здесь Вебер обнаруживает, что *долг* выполняется через профессиональную реализацию, — эта идея характеризует социальную этику капиталистической цивилизации и в определенном смысле служит ее основанием. Какие сложились предпосылки для формирования представлений, считающих этот вид деятельности, очевидным образом направленный исключительно на получение прибыли, *призванием*, налагающим на человека *моральное обязательство*? Первым важным этапом стали Реформация и в особенности работа Лютера — хотя Вебер неоднократно подчеркивает, что никоим образом не приписывает ни Лютеру, ни его последователям изобретение капитализма: итоги Ре-

формации для культуры были «непредвиденными и даже нежелательными для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносилось перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям» [Там же: 105]. Далее Вебер подчеркивает:

...мы ни в коей степени не склонны защищать столь нелепый доктринерский тезис, будто «капиталистический дух» (в том смысле, в каком мы временно употребляем это понятие) мог возникнуть только в результате влияния определенных сторон Реформации, будто капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации [Там же: 106].

Тем не менее именно Реформация дала развитие радикально новой точке зрения, предполагающей, что «выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека» [Там же: 97]. Повседневная деятельность с этого времени получает религиозное значение, а единственный способ быть угодным Богу отныне заключается не в пренебрежении мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно в выполнении своих мирских обязанностей так, как они определены местом, которое уготовано человеку в обществе.

Пуритане-кальвинисты развили эту идею, в частности учение о предопределении: решения Господа непостижимы и люди никогда не узнают критерии их вынесения; очевидным способом получить прощение являются дела; тем не менее только избранный может поистине добрыми делами увеличить славу Господню. У Кальвина Бог требовал «от своих избранных не отдельных “добрых дел”, а святости, возведенной в систему» [Вебер 1990: 153]. Социальная деятельность кальвиниста направлена исключительно во славу Божию, а любовь к ближнему в первую очередь проявляется в реализации профессиональных задач: она «обретает своеобразный объективно безличный характер, характер деятельности, направленной на рациональное преобразование окружающего нас социального космоса» [Там же: 146]. Цель преумножить

славу Божию на земле полностью предопределяет аскетическое поведение и потому получает логическое объяснение: «рационализация жизни в миру, ориентированная на потустороннее блаженство, была следствием концепции профессионального призвания аскетического протестантизма» [Там же: 183].

Пастор Бакстер, который в «Христианском руководстве» наиболее полно излагает суть учения о морали в пуританском богословии, пишет, что предписание упорно трудиться прекрасно помогает удержаться от сексуальных искушений и религиозных сомнений или от ощущения нравственной ничтожности. Вебер тем не менее подчеркивает:

Однако труд выходит по своему значению за эти рамки, ибо он как таковой является поставленной Богом целью всей жизни человека. Слова апостола Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» — становятся общезначимым и обязательным предписанием. Нежелание работать служит симптомом отсутствия благодати <...> Провидение Господне дало каждому профессию (calling), которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться; это профессиональное призвание здесь не судьба, с которой надо примириться и которой надо покорно следовать (как в лютеранстве), а требование Бога к каждому человеку трудиться к вящей славе Его [Там же: 187–188].

Таким образом, становится понятнее, почему аскетизм позволил оправдать накопление богатства. В соответствии с Ветхим Заветом и по аналогии с этической оценкой добрых дел аскетизм считает в высшей степени достойной порицания погоню за богатством как самоцель, при этом богатство как плод профессионального труда видится знаком Божественного благословения. На этом основании Вебер заключает, что удивительная фарисейская добросовестность, сопутствующая наживе, если только нажива не выходит за допустимые правом пределы, — это главное наследие, оставленное XVII веком XVIII веку.

Февр подчеркивает [Февр 1991б], что начиная с XVI века шел динамичный процесс придания ценности труду, в особенности

ручному, но дать ему полное определение стало возможным только в XVIII веке, когда произошла унификация вышеуказанных видов деятельности, ранее разделяемых на разные категории.

Три аспекта труда

Понятие труда со всеми его аспектами не только появилось не с античных времен, но и характеризуется сложной, многоуровневой структурой, наложением «слоев значений» — если использовать термин И. Мейерсона, введенный им в 1955 году [Meyerson 1955: 3–17]. Эти слои, каждый из которых соотносится с определенным историческим периодом, служат основой для индивидуальных истолкований. Можно выделить не менее трех основных моментов в определении понятия труда — три радикально разных и противоречивых значения, которые при этом сосуществуют друг с другом.

Труд как фактор производства

Своей цельностью, сформировавшейся вместе с появлением «абстрактного труда», труд как понятие обязан XVIII веку. Слово «труд» можно использовать в качестве цельного концепта с того момента, когда определенные виды деятельности, до этого неизменно подчинявшиеся различной логике, становятся достаточно однородными для обозначения одним термином. Вернан пишет:

Такая возможность появляется только в рамках экономики, которая в полном смысле является рыночной и в которой все формы труда в равной степени направлены на производство рыночной продукции. С этого момента конкретный объект производится не для удовлетворения потребностей конкретного потребителя. Все производственные задачи, будь то сельское хозяйство или промышленность, в равной степени направлены на производство товара, предназначенного не для конкретного индивида, а для продажи и покупки. Между всеми работами, осуществляемыми в обществе в целом, рынок устанавливает отношения соединения, противопоставления, уравнения [Vernant 1965: 38].

Как осуществляется эта операция, лучше всего описано у Смита [Смит 2007], в частности в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, 1776). «Исследование» выглядит настоящей поэмой труду и, если быть точнее, производительности труда, при этом Смит не задается вопросом, в чем конкретно заключается трудовая деятельность. Он дает исключительно инструментальное определение труда: труд — это производственные возможности человека или машины, позволяющие создать ценность, то есть труд — это то, что создает ценность. С одной стороны, труд представляется приложением физической силы и, как следствие, предполагает работу, утомление и усилия; с другой стороны, труд — это та субстанция, которая способна к преобразованию любой вещи и обеспечивает всеобщий обмен, поскольку предметы, вовлеченные в обмен, содержат в себе весь объем труда и разложимы на приложенный труд, полученное утомление и потраченные физические силы. Смит не говорит о том, что именно есть труд; тем не менее отныне становится возможным говорить о труде как о собирательном понятии.

Труд выполняет двойную функцию, являясь деятельностью по производству национального продукта и одновременно элементом устойчивости общественного строя. В результате становится возможным точно определить вклад и вознаграждение каждого участника процесса и таким образом установить объективный порядок, который не допускает своеволия и не подвергается попыткам пересмотра. На пути к высшей цели — достижению максимального объема производства — люди держатся друг за друга подобно камням арочного свода, и их вознаграждение автоматически определяется вкладом в производство. Таким образом гарантирована устойчивость общественного порядка. Кроме того, постулируется идея, что для установления социальной связи недостаточно просто участия в ней человека — связь, основанная на обмене, сплачивает людей даже вопреки их желанию.

Таким образом, труд находится в сердце общественного механизма, существующего в определенный исторический период, и одновременно представляет собой прикладываемые человеком

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru